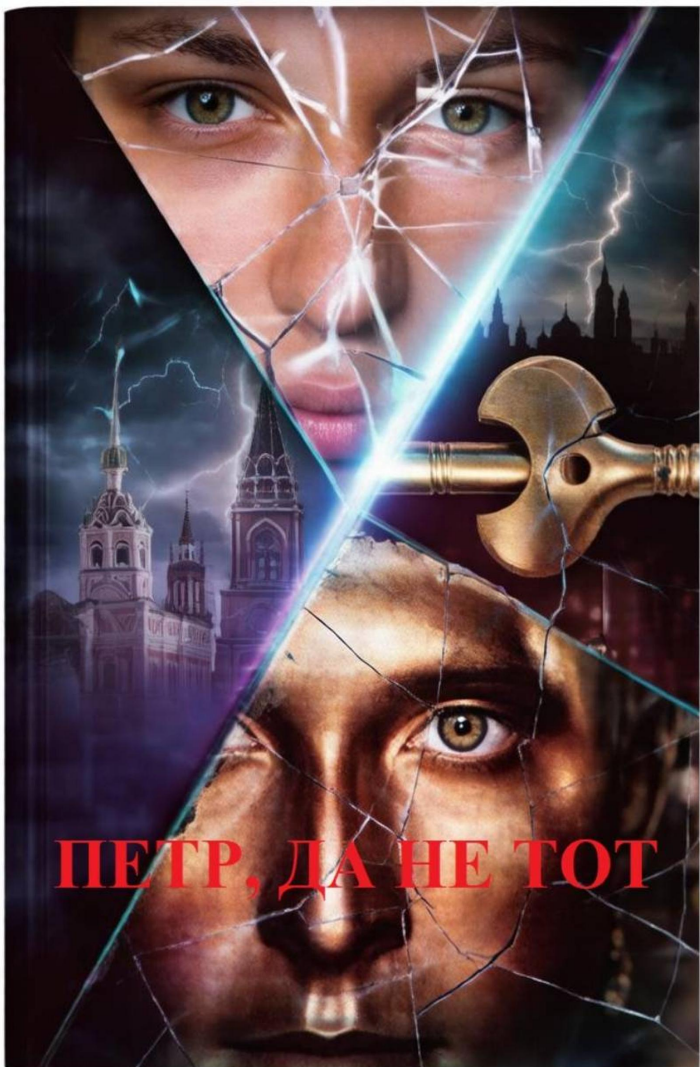

ПЕТР, ДА НЕ ТОТ

Максим Взор

Петр, да не тот

<https://litres.ru/74632657>

SelfPub; 2026

Аннотация

Студент-историк Дмитрий Орлов приходит в сознание в теле семнадцатилетнего Петра Алексеевича в августе 1689 года — в момент решающего противостояния с царевной Софьей. В отличие от своих предшественников, попавших в тела Ивана Грозного и Бориса Годунова, Дмитрий знает не только прошлое, но и будущее настоящего Петра: создание империи ценой миллионов сломанных судеб, гибель царевича Алексея и насильственные реформы, оставившие шрамы на теле России.

Опираясь на наследие двух предыдущих «пришельцев», оставивших следы в изменённой истории, Дмитрий пытается построить государство, способное развиваться без кнута и страха. Но ему противостоит не только консервативная элита — сама история сопротивляется переменам. Таинственный Хранитель порядка, знающий первоначальный ход событий, готовит удар, который заставит Дмитрия выбирать между человечностью и величием.

Максим Взор

Петр, да не тот

Глава 1. Третье имя

Дмитрий Орлов первым понял, что страницы переворачивает не ветер.

Окна университетского архива были закрыты. За толстыми стёклами неподвижно висела сентябрьская ночь, разрезанная жёлтыми прямоугольниками соседнего корпуса. Вентиляция перестала работать несколько минут назад. После короткого гудения она захлебнулась и умолкла, оставив в помещении запах пыли, старой бумаги и нагретой проводки.

Однако лежавшая на центральном столе рукопись продолжала шевелиться.

Один лист приподнялся.

Медленно согнулся посередине.

Перевернулся.

Следом поднялся другой.

— Не трогайте её, — сказал профессор Веденин.

Он произнёс это слишком тихо.

Дмитрий стоял у шкафа с каталогами и смотрел на преподавателя. Обычно Семён Аркадьевич разговаривал так, что его слышали через две аудитории. Даже замечания он делал голосом лектора, обращавшегося не к одному опоздавшему

студенту, а к целому поколению невежественных потомков.

Теперь профессор побледнел. Его правая рука лежала на краю стола, а пальцы мелко дрожали.

— Вы знаете, что это? — спросил Дмитрий.

— Отойдите от книги.

— Я не это спросил.

По архивному залу прокатился удар колокола.

Звук пришёл неизвестно откуда. Он был слишком глубоким для телефонного сигнала и слишком настоящим для записи. Стёкла шкафов задребезжали. На верхних полках качнулись папки.

Лиза Воронцова вскрикнула.

Михаил Соколов стоял у противоположного края стола, прижав ладонь к раскрытой странице. Его пальцы словно прилипли к бумаге.

— Миша! — крикнул Дмитрий.

Михаил поднял голову.

На короткое мгновение Дмитрию показалось, что вместо архивных шкафов за спиной однокурсника возвышается горящий деревянный город. Пламя бежало по крышам, над улицами клубился чёрный дым, люди тащили вёдра и кричали.

Затем видение исчезло.

Вместе с Михаилом.

На том месте, где он стоял, остался только перевёрнутый стул.

— Где он? — спросила Лиза.

Никто не ответил.

Антон бросился к столу. Дмитрий схватил его за плечо, но тот вывернулся.

— Стой!

— Миша там!

— Где — там?

Антон коснулся страницы.

Свет погас.

В темноте раздался второй колокольный удар. На этот раз к нему примешался гул множества голосов. Кто-то выкрикивал имя, но Дмитрий не мог разобрать какое.

Он нащупал край стола.

— Антон!

Вспыхнули аварийные лампы.

Антон больше не было.

На раскрытой странице проступили две строки.

«Первым будет Иван».

«Вторым будет Борис».

Буквы выглядели так, будто их только что вывели чернилами. Возле второго имени темнел отпечаток человеческой ладони.

— Никто больше не подходит к столу, — приказал профессор Веденин.

Дмитрий посмотрел на него.

— Вы знали.

— Я ничего не знал.

— Тогда почему не удивились надписи?

— Сейчас это неважно.

— Два человека исчезли у вас на глазах.

— Именно поэтому делайте, что я говорю.

Профессор медленно обошёл стол. Он не смотрел на студентов. Его взгляд был прикован к рукописи.

Дмитрий прежде считал Семёна Аркадьевича человеком, неспособным испугаться чего-либо страшнее плохо оформленной библиографии. Теперь преподаватель выглядел так, словно перед ним лежала не неизвестная книга, а давно похороненная ошибка.

— Надо вызвать охрану, — сказала Лиза.

— И что мы им скажем? — спросил кто-то. — Что двоих затянуло в старую рукопись?

— Скажем, что они пропали.

— Из закрытого помещения?

— Неважно!

Все заговорили одновременно. Один студент побежал к двери. Она не открылась. Электронный замок не реагировал, ручка не поворачивалась.

Дмитрий подошёл к профессору.

— Как называется рукопись?

Веденин промолчал.

— Вы участвовали в её доставке. Вы добились, чтобы нас оставили с ней ночью. Вы велели Мише работать именно с

первым разделом.

— Я не ожидал, что она откроется.

— Значит, знали, что может.

Рукопись снова зашелестела.

Листы переворачивались всё быстрее. По страницам бежали имена, даты и изображения корон. Некоторые Дмитрий узнавал, другие исчезали прежде, чем он успевал прочитать.

Иван.

Борис.

Михаил.

Алексей.

Фёдор.

Софья.

Два имени, стоявшие рядом.

Иван и Пётр.

Страницы остановились.

В середине чистого листа проступила третья строка:

«Третьим будет Пётр».

У Дмитрия онемели пальцы.

С детства его раздражало прозвище, которое дала ему бабушка. Она называла его Петром, потому что Дмитрий веч-но что-нибудь разбирал, строил или пытался улучшить. В школе он делал модели кораблей. На первом курсе написал работу о петровской административной реформе и получил тройку за фразу: «Масштаб преобразований не оправдывает отсутствия масштаба человеческой цены».

Профессор Веденин тогда написал на полях: «Историк не судья».

Теперь Семён Аркадьевич смотрел именно на него.

— Не подходи, — сказал профессор.

Дмитрий услышал в его голосе не заботу.

Страх.

— Почему именно я?

— Книга выбирает не человека.

— А кого?

Веденин не успел ответить.

На пустом пространстве под именем появилась приписка:

«Тот, кто желает перестроить мир, должен сначала узнать вес одного камня».

Стол содрогнулся.

Дмитрий отшатнулся, но за его спиной уже не было пола. Открылось серое пространство, наполненное водой и туманом. Вдали, прямо из болотистой земли, поднимался город. Тысячи людей забивали сваи. Другие тянули камни, стоя по колено в ледяной воде.

Над городом возвышался человек.

Не исполин из сказки — высокий молодой царь в простой одежде. Он держал в одной руке корабельный топор, а другой указывал, куда переносить камни.

Под его ногами лежали люди.

Сначала Дмитрий принял их за спящих.

Потом увидел открытые глаза.

— Не смотри вниз! — крикнул царь.

Дмитрий поднял голову.

Лицо великана было его собственным.

Только старше, тяжелее и страшнее.

— Если станешь считать каждого, ничего не построишь!

Топор опустился.

Туман разошёлся.

Дмитрий увидел, что город стоит не на сваях.

Он стоит на человеческих костях.

Чья-то рука схватила его сзади. Возможно, Лиза пыталась удержать его. Возможно, профессор хотел оттолкнуть от стола.

Пальцы Дмитрия коснулись бумаги.

Последнее, что он слышал в архиве, был голос Веденина:

— Только не Пётр.

Мир перевернулся.

Дмитрий падал сквозь звон металла, скрип корабельных снастей и хруст льда. Вокруг проносились лица: бритые и бородатые, испуганные и злые. Кто-то бил человека кнутом. Кто-то учил ребёнка складывать числа. По воде двигался корабль с поднятыми парусами. На площади горели документы. В тёмной комнате молодой мужчина, похожий на Дмитрия, просил отца о пощаде.

Затем возник голос.

Спокойный, почти доброжелательный.

— На этот раз мы не позволим вам испортить необходи-

мое.

Дмитрий хотел спросить, кто говорит.

Но его рот наполнился кровью.

Он ударился обо что-то твёрдое.

И открыл глаза.

Глава 2. Тело исполина

Первым ощущением был холод.

Он проникал сквозь рубаху, поднимался по спине и заставлял зубы стучать. Дмитрий лежал на каменном полу. Перед его лицом стояла деревянная ножка стола, покрытая царапинами.

Где-то рядом шептались.

— Звать лекаря?

— Уже звали.

— А коли государь не очнётся?

— Тише, дурень.

Дмитрий попытался поднять голову.

Стол оказался неожиданно маленьким. Или пол находился слишком близко. Он упёрся ладонью в камень и рывком сел.

Люди вокруг отшатнулись.

Их было пятеро. Двое в тёмных кафтанах, один в монашеском одеянии, ещё двое с оружием. Все смотрели на него с таким страхом, будто он воскрес после отпевания.

— Где я? — спросил Дмитрий.
Голос прозвучал низко и резко.
Не его голос.

Он поднял руки.

Ладони были крупными, пальцы длинными и сильными.
На коже виднелись мозоли. Рукава белой рубахи заканчивались выше запястий, словно одежда была сшита на человека меньшего роста.

— Государь, — сказал монах, — вы в Троицкой обители.
У Дмитрия сжалось горло.

— Какой сегодня день?

Люди переглянулись.

Этот вопрос уже задавали до него. Михаил — если он действительно оказался в теле Ивана. Наверное, Антон тоже начинал с попытки определить дату.

— Государь Пётр Алексеевич, — осторожно произнёс один из мужчин, — ныне восьмой день августа, лета семь тысяч сто девяносто седьмого.

Старое летосчисление.

Дмитрий машинально вычел пять тысяч пятьсот восемь.
1689 год.

В некоторых месяцах разница могла быть иной, но сейчас это не имело значения. Август 1689-го. Семнадцатилетний Пётр. Бегство в Троице-Сергиев монастырь после слухов о готовящемся нападении сторонников Софьи.

Точка, в которой будущее ещё не определено окончательно.

но.

Дмитрий попробовал встать и едва не ударился головой о низкую балку. Один из вооружённых людей бросился поддерживать его, но Дмитрий оказался на ногах раньше.

Мир неожиданно уменьшился.

Он смотрел на взрослых мужчин сверху вниз. Тело было высоким, почти неправдоподобно вытянутым. Ноги казались слишком длинными, движения — быстрыми и плохо соразмеренными окружающему пространству.

По левой стороне лица пробежала судорога.

Дмитрий коснулся щеки. Мышцы дёрнулись снова, не подчиняясь ему.

Он помнил описания нервных приступов Петра. Конвульсивные движения лица, возникавшие во время сильного напряжения. Историки спорили о причинах, но книжное знание ничем не помогало человеку, внезапно обнаружившему чужую болезнь внутри собственного тела.

— Зеркало, — приказал он.

Ему принесли маленькое металлическое зеркало.

Отражение было мутным, но ошибиться невозможно.

Тёмные глаза. Молодое лицо. Едва заметные усики. Непривычно живая мимика. Внешность ещё не стала той тяжёлой маской, которую знали по поздним портретам, но это был Пётр.

Дмитрий коснулся отражения.

В сознании распахнулась чужая дверь.

Он увидел испуганного мальчика. Стрельцов на кремлёвском крыльце. Кровь на ступенях. Чужие руки, поднимающие ребёнка над толпой. Лица убитых родственников.

Воспоминание оказалось не изображением.

Оно было запахом крови, оглушительным криком и уверенностью, что вооружённая толпа однажды обязательно вернётся.

Дмитрий отшатнулся от зеркала.

Тело ответило раньше разума. Правая рука схватила стоявший на столе тяжёлый подсвечник. Пальцы сжались вокруг металла.

Все замерли.

Дмитрий понял, что готов ударить первого, кто приблизится.

Не хотел.

Но готов был.

Он медленно поставил подсвечник на место.

— Кто находится в монастыре? — спросил он.

Один из мужчин выступил вперёд:

— С вами государыня-матушка Наталья Кирилловна. Царица Евдокия Фёдоровна. Князь Борис Алексеевич Голицын. Лев Кириллович Нарышкин. Потешные ваши люди прибывают. Из Москвы ждём верных служилых.

Имена укладывались в историческую картину.

— А Софья?

Мужчины снова переглянулись. Теперь в их взглядах бы-

ло не только беспокойство, но и ожидание.

— В Москве, государь. Посылает людей, будто желает мира. Да только верить ей нельзя.

— Почему?

Вопрос вызвал растерянность.

— Она подняла стрельцов.

— Это доказано?

Вооружённый человек нахмурился:

— Все о том говорят.

— Все — это кто?

Монах посмотрел на Дмитрия внимательнее.

— Государь, вам надлежит отдохнуть. Падение было тяжким.

— Я упал?

— Во время молитвы. Словно дыхание у вас отнялось.

Значит, настоящий Пётр потерял сознание в тот момент, когда Дмитрия коснулась книга.

Что стало с самим Петром?

Исчез? Умер? Остался где-то внутри?

Словно отвечая на мысль, в сознании вспыхнуло раздражение. Не обычная злость, а огромная волна ярости. Она требовала движения, немедленного решения, удара. В ней не было сомнений.

Софья — враг.

Стрельцы — враги.

Москва — ловушка.

Нужно первым взять власть.

Дмитрий подошёл к окну. За маленькими стёклами виднелись монастырские стены и тёмное небо. Внизу двигались люди с факелами. К воротам подъезжали всадники.

История собиралась вокруг него.

Через несколько недель Софья потеряет власть. Её сторонников арестуют. Начнутся допросы. Фёдора Шакловитого казнят. Василия Голицына отправят в ссылку. Софью заточат в Новодевичьем монастыре.

А Пётр получит возможность стать тем, кем его запомнят. Великим преобразователем.

И отцом, приказавшим судить собственного сына.

— Государь, — сказал князь Борис Голицын, — надобно решить, кого посылать к полкам.

Дмитрий повернулся.

— Решим утром.

— Утром может быть поздно.

— Тогда решим через час. Но прежде я хочу увидеть все полученные из Москвы донесения.

— Их много.

— Тем более.

— Некоторые вести переданы на словах.

— Людей, которые их передали, тоже привести. По одному. Чтобы не сговаривались.

Голицын впервые посмотрел на него с интересом.

— Вы хотите учинить розыск?

— Я хочу понять, от чего мы бежали.

На лице князя мелькнуло недовольство.

Слово «бежали» было опасным. Царь не бежит. Царь отступает, отправляется на богомолье, меняет место пребывания. История подбирает достойные слова даже для страха.

Но тело Петра помнило скачку сквозь темноту.

Помнило, как ветви били по лицу.

Помнило ужас мальчика, снова увидевшего окровавленное кремлёвское крыльцо.

Дмитрий положил руку на стол. Дерево тихо хрустнуло под пальцами.

Он должен был управлять не только государством.

Сначала следовало научиться управлять этим телом.

— И ещё, — сказал Дмитрий. — Никого не пытаться.

Голицын вскинул брови.

— Даже если схватим посланного Софьей убийцу?

— Даже тогда.

— Как же он признается?

— Человек под пыткой признается и в том, что погасил солнце.

— А если иначе правду не узнать?

Дмитрий посмотрел на князя сверху вниз.

— Значит, будем учиться узнавать её иначе.

Глава 3. Приказ, которого не будет

Через час перед Дмитрием лежал список людей, которых предлагалось задержать.

Бумага была плотной, чернила ещё не успели полностью высохнуть. Некоторые имена сопровождались короткими пометками: «взять тайно», «допросить крепко», «держат порознь».

Составитель не использовал слово «пытка».

В нём не было необходимости.

Все понимали, что означает «допросить крепко».

Дмитрий сидел за длинным столом в монастырской палате. Справа расположились Нарышкины, слева — князь Борис Голицын и несколько служилых людей. У двери стояли вооружённые потешные. Их форма ещё не приобрела поздней регулярности: разные кафтаны, разное оружие, молодые лица.

Некоторых Дмитрий узнал благодаря чужой памяти.

Вот Александр Меншиков — пока не могущественный вельможа, а быстрый, улыбчивый парень, внимательно следящий за настроением государя. Вот Франц Лефорт — старше остальных, уверенный и внешне спокойный. Именно к нему юный Пётр привык обращаться, когда желал вырваться из тесного мира московского двора.

— Это только первые, — сказал Лев Нарышкин, коснувшись списка. — Когда в Москве узнают, что полки идут к вам, многие попробуют скрыться.

— В чём обвиняются эти люди?

— В заговоре против вашей жизни.

— Что сделал первый?

Нарышкин посмотрел на имя.

— Стольник Вяземский передавал вести Шакловитому.

— Какие вести?

— О числе людей при государе.

— Откуда это известно?

— Один надёжный человек сообщил.

— Имя надёжного человека?

— Государь, при всех называть его не следует.

— Почему?

— Тогда другие перестанут нам служить.

Дмитрий откинулся на спинку стула.

Обычная проблема источника, подумал он. Только теперь от критики источника зависела не оценка на семинаре, а человеческая жизнь.

— Хорошо. После совета назовёте мне его отдельно. Следующий.

— Дьяк Молчанов составлял грамоты царевны.

— Составление грамот — его обязанность.

— Не таких грамот.

— Каких?

Ответ снова оказался неопределённым.

Слухи. Чужие слова. Пересказы разговоров. Предположения, которые после многократного повторения стали казаться доказательствами.

Дмитрий перевёл взгляд на Бориса Голицына.

— Вы согласны с этим списком?

Князь не спешил отвечать.

— Согласен, что опасность велика. Но о каждом имени надобно рассуждать особо.

Нарышкин усмехнулся:

— Пока мы будем рассуждать, Софья соберёт полки.

— Тогда разбирайте сведения быстро, — сказал Дмитрий.

— Но без тайных арестов.

— Тайный арест не даёт сообщникам скрыться.

— И не даёт человеку защититься.

— Государь, — вмешался один из старших бояр, — это не обычный суд. Речь идёт о вашей жизни и о престоле.

— Когда речь идёт о моей жизни, я особенно плохо подхожу на роль судьи.

Собравшиеся не сразу поняли смысл.

— Кто же тогда будет судить изменников? — спросил Нарышкин.

— Люди, не состоящие с обвиняемыми в родстве и не получающие их имущества после приговора.

— Таких придётся искать долго.

— Найдём.

Лев Кириллович подался вперёд:

— Милосердие к изменникам есть жестокость к верным слугам.

Дмитрий почувствовал, как лицо снова сводит судорога.

Внутри поднялся Пётр.

Не голос, не отдельная личность — скорее направление,

по которому легче всего двигаться. Ударить ладонью по столу. Закричать. Заставить замолчать. Он был царём. Они обязаны повиноваться.

Дмитрий сжал край стула.

— Верный слуга, — медленно произнёс он, — не тот, кто быстрее всех предлагает государю казнить его врагов.

Нарышкин побледнел.

Комната застыла.

Дмитрий понял, что перешёл опасную черту. Лев Кириллович был родным братом Натальи Нарышкиной, дядей Петра. В этой борьбе именно Нарышкины считали себя естественными победителями.

— Я не обвиняю вас, — добавил Дмитрий. — Я устанавливаю правило для всех. Для сторонников Софьи. Для моих сторонников. Для меня самого.

— Государь не может отвечать наравне со слугой, — сказал старый боярин.

— За ошибку — может.

— Перед кем?

Ответа у Дмитрия не было.

Перед советом? Перед законом? Перед будущими поколениями? Всё это звучало красиво, но царь XVII века обладал властью именно потому, что над ним не существовало обычного суда.

Михаил, попавший в тело Ивана, наверняка столкнулся с тем же.

Что он решил?

— Пока перед собственной подписью, — сказал Дмитрий.
Он взял список.

Поднёс его к свече.

Нарышкин вскочил:

— Государь!

Угол бумаги почернел. Огонь быстро побежал по именам. Дмитрий держал лист, пока пламя не приблизилось к пальцам, затем бросил его в пустую металлическую чашу.

— Новый список, — приказал он. — Возле каждого имени написать, что именно сделал человек, кто это подтверждает и где находятся записи.

— А если записей нет?

— Тогда написать: «Доказательств нет».

— Они разбегутся!

— Ворота Москвы ещё не закрыты?

— Нет.

— Не закрывать. Любой, кто желает покинуть город, может это сделать. Бегство само по себе не считать признанием вины.

— Такого прежде не бывало.

— Будет.

Дверь открылась. Вошёл капитан потешных и поклонился.

— Государь, из Москвы прибыл стрелецкий пятидесятник. Говорит, что имеет срочную весть.

— Ввести.

Пятидесятнику было около сорока. Он опустился на колени, но Дмитрий велел ему подняться.

— Говори.

— Царевна Софья Алексеевна посылает к вам князя Ивана Троекурова и ещё людей. Велит сказать, что не желает кровопролития. А стрельцам наказано стоять смирно.

— Это её слова?

— Её.

— Ты слышал лично?

— Лично, государь.

— Почему приехал раньше посольства?

Мужчина замялся.

— Мне велели другие люди.

— Кто?

Пятидесятник посмотрел на Нарышкина и сразу отвёл глаза.

Дмитрий заметил это.

— Здесь тебя не тронут, — сказал он. — Назови имя.

— Фёдор Леонтьевич Шакловитый.

По комнате прокатился шум.

Глава Стрелецкого приказа. Сторонник Софьи. Человек, которого в известной Дмитрию истории вскоре допросят, а затем казнят.

— Что велел Шакловитый?

— Передать вам бумагу. Только в собственные руки.

Пятидесятник достал из-за пазухи сложенный лист.

Стражник хотел взять письмо, но Дмитрий остановил его и сам подошёл к посланнику. Тело двигалось огромными шагами. Он всё ещё не привык, что три шага Петра равнялись пяти его прежним.

Печать на письме была сломана.

— Кто открывал?

— Никто, государь. Она такой была.

Дмитрий развернул лист.

Основной текст был написан старым почерком. Шакловитый сообщал, что среди сторонников Софьи распространяются неизвестные грамоты, призывающие убить Петра до окончательного раздела власти. Он утверждал, что царица на этих приказов не отдавала, и просил разрешить личную встречу.

Под текстом стояла короткая приписка.

Современными буквами.

«Если подпишешь первый список, дальше будет легче».

Дмитрий перечитал фразу.

Чернила были свежими.

— Кто дал тебе письмо?

— Сам Фёдор Леонтьевич.

— При тебе он его запечатывал?

— Да.

— Кто ещё касался бумаги?

— Не ведаю. Я хранил её под кафтаном.

Дмитрий сложил письмо.

Кто-то знал, откуда он пришёл.

И находился достаточно близко, чтобы писать на документах главы Стрелецкого приказа.

— Посланнику дать еду и место для отдыха, — приказал Дмитрий. — Не задерживать и не допрашивать без меня.

— А письмо? — спросил Голицын.

— В письме сказано, что Шакловитый хочет встретиться.

— Вы согласитесь?

— Сначала приму посольство Софьи.

Лев Нарышкин посмотрел на догорающий список.

— Вы верите царевне больше, чем собственному роду?

— Нет.

Дмитрий спрятал письмо за пазуху.

— Я пока никому не верю больше, чем доказательствам.

Глава 4. Наследство двух пришельцев

Дмитрий не спал до рассвета.

Он читал донесения, сравнивал показания и составлял на отдельном листе последовательность событий. Это напоминало работу с источниками, только источники постоянно входили в комнату, кланялись и боялись сказать что-нибудь не то.

Один человек слышал, будто стрельцам приказано идти в Преображенское.

Другой утверждал, что приказа не существовало.

Третий видел ночью вооружённых людей у Кремля, но не знал, кому они подчинялись.

Четвёртый сообщил, что сторонники Нарышкиных сами распространяют слухи, чтобы вынудить Петра начать расправу первым.

К утру у Дмитрия болели глаза. Тело Петра почти не чувствовало обычной усталости и требовало движения. Сидеть несколько часов подряд оказалось мучительно. Он то вставал, то ходил по палате, то собственноручно передвигал тяжёлый стол, чем приводил слуг в ужас.

Из документов следовал неприятный вывод.

Убедительных доказательств подготовленного нападения не существовало.

Опасность могла быть реальной, но страх давно опередил факты. Каждый лагерь ждал удара и готовился ответить заранее.

Именно так часто начинались события, которые позднее описывали как неизбежные.

На рассвете в палату вошёл пожилой монах.

— Государь желали видеть книги о прежних царях.

— Желал.

— Не все хранятся вместе. Есть особое собрание.

— Почему особое?

Монах опустил взгляд.

— Некоторые записи признаны сомнительными.

— Кем?

— Ещё при государе Алексее Михайловиче велено было отделить книги, в которых содержатся несогласные между собой сведения.

Дмитрий окончательно проснулся.

— Ведите.

Книгохранилище находилось под соборной ризницей. К нему спускалась узкая лестница. Петру приходилось идти согнувшись. Дважды Дмитрий ударился плечом о стену и едва удержался от ругательства.

Внизу пахло воском, деревом и сырой бумагой.

Монах зажёг дополнительные свечи.

На полках лежали рукописные книги, свитки, связки приказных документов. Некоторые пострадали от влаги. На других темнели следы огня.

— Где сомнительные записи?

Монах указал на закрытый шкаф.

Замок оказался старым. Ключ повернулся с трудом.

Первой Дмитрий достал тяжёлую книгу в потёртом кожаном переплёте. На корешке было выдавлено:

«Уложение о суде и государевой службе. Возобновлённый список».

Он раскрыл книгу.

Начало выглядело привычно для XVI столетия. Длинные фразы, особая система сокращений, киноварные заголовки. Но содержание не соответствовало известной истории.

«Никоторого человека не держать в заточении без записи имени его, вины объявленной и дня взятия».

Дмитрий перечитал строку.

Дальше говорилось, что обвиняемому должны сообщить причину задержания. Свидетельские показания следовало сохранять письменно. Судья, получивший выгоду от одной из сторон, обязан был отказаться от дела.

В конце стояла подпись:

«Утверждено волею государя царя Ивана Васильевича».

— Не может быть, — прошептал Дмитрий.

— Что, государь?

— Ничего.

Он листал страницы быстрее.

Судебная реформа Ивана Грозного была реальным историческим фактом, но этот текст отличался от известного Судебника 1550 года. Формулировки звучали так, словно их составлял человек, знакомый с гораздо более поздними представлениями о праве.

На одном из полей виднелся выцветший знак: круг, перечёркнутый тремя линиями.

Так Михаил помечал особенно важные места в конспектах.

Дмитрий видел этот символ сотни раз.

— Откуда здесь книга?

— Из Москвы привезена много лет назад. Говорят, это ранний список государева уложения. После смерти Ивана

Васильевича многие статьи перестали исполнять.

— Почему?

— Одни люди говорили, что правила ослабляют власть. Другие — что настоящего такого указа вовсе не бывало.

Дмитрий открыл следующую связку документов.

Она относилась к началу XVII века. В ней упоминались государственные хлебные склады, выборные уездные распорядители и порядок помощи во время неурожая. Рядом с некоторыми статьями стоял другой знак — маленький ключ.

На последнем листе почерком писца было выведено:

«По повелению государя Бориса возобновить».

Ниже кто-то дописал современными буквами:

«Не доверяй окончательной редакции».

Антон.

Дмитрий провёл пальцем над строчкой.

Значит, они действительно были здесь.

Не призраки, не видения. Михаил жил в XVI веке и изменил решения Ивана. Антон оказался при Борисе. Их действия оставили след, хотя к 1689 году большая часть изменений исчезла или превратилась в старые книги, спрятанные за сомнительность.

— Кто приказал закрыть собрание? — спросил Дмитрий.

— Бумага должна быть здесь.

Монах долго перебирал документы и наконец нашёл небольшой указ. Дмитрий прочитал подпись.

Распоряжение было отдано двадцать семь лет назад неиз-

вестным архивным советником по имени Андрей Веретенников. Советник утверждал, что сомнительные списки искажают прошлое и мешают установить правильный порядок событий.

— Что известно об этом Веретенникове?

— Ничего, государь. Он приехал, предъявил грамоту, несколько месяцев разбирал архивы, а после исчез.

— Умер?

— Не ведаю.

Дмитрий вернулся к шкафу.

В глубине лежала тонкая книга без названия. Её переплёт казался знакомым.

Чёрная кожа.

Ни узора, ни надписи.

Он потянулся к книге, но монах неожиданно схватил его за руку.

— Не касайтесь!

Дмитрий повернулся.

Монах сразу отпустил его и упал на колени.

— Прости, государь.

— Почему мне нельзя касаться этой книги?

Старик дрожал.

— Люди возле неё пропадают.

— Какие люди?

— Переписчик исчез семь лет назад. До него — послушник. А прежде говорили, будто приезжий дьяк вошёл в кни-

гохранилище и не вышел.

— Андрей Веретенников?

Монах перекрестился.

— Имени не знаю.

Дмитрий взял кусок ткани и через него вытащил чёрную книгу.

Переплёт был холодным.

Книга не открывалась. Края страниц словно срослись. Только возле корешка виднелась узкая щель.

Дмитрий потряс её.

На стол выпал маленький латунный ключ.

К нему красной нитью был привязан сложенный лист.

На внешней стороне современным почерком стояло одно слово:

«Третьему».

Глава 5. Латунный ключ

Дмитрий отпустил монаха и заперся в книгохранилище.

Это было рискованно. Человек, оставивший письмо, мог намеренно заманить его в закрытое помещение. Чёрная книга могла снова сработать. Кто-нибудь мог ждать за дверью.

Но желание получить ответ оказалось сильнее осторожности.

Дмитрий положил латунный ключ на стол.

Он был небольшим, с тремя зубцами и круглой голов-

кой. На металле выгравировали знакомый символ: круг, перечёркнутый тремя линиями.

Знак Михаила.

Лист был сложен четыре раза. На сгибах бумага почти протёрлась, но текст сохранился.

«Если ты это читаешь, нас было как минимум трое.

Меня зовут Антон Соколов. До перехода я учился с Михаилом, Лизой, Димой и остальными. Если книгу нашёл кто-то чужой, эти имена ничего ему не дадут. Если нашёл ты — значит, поймёшь.

Я не знаю, что стало с Михаилом. В моей истории Иван Васильевич правил иначе, чем в учебниках. Некоторые его учреждения сохранились. Большинство позднее уничтожили или приспособили для противоположных целей.

Я оказался там, где не должен был оказаться. Имя царя тебе подскажет дата, если записи не переписали окончательно.

Главное: мы не просто меняем историю. История отвечает.

Сначала я думал, что события возвращаются на прежний путь сами. Неурожай всё равно приходит. Заговор возникает под другим именем. Человек, которого удалось спасти, погибает спустя год при иных обстоятельствах.

Потом я нашёл следы тех, кто помогает событиям возвращаться.

Они называют себя Хранителями порядка.

Не знаю, сколько их. Возможно, это один человек, перехо-

дящий из века в век. Возможно, каждый раз появляется новый. Они знают первоначальную историю и считают её единственно допустимой.

Они не всегда убивают. Иногда достаточно подменить указ. Потерять книгу. Назначить нужного человека. Убедить потомков, что перемены никогда не существовали.

Не верь неизбежности.

И ещё: не пытайся повторить наше будущее во всех подробностях. После действий Михаила мой мир уже отличался от твоего. После моих действий твой будет отличаться ещё сильнее.

Знание истории — не карта.

Только предупреждение о некоторых обрывах.

Ключ открывает ящик, который я велел поместить в московский государственный архив. Если архив сохранился, ищи старый стол с вырезанным на нижней стороне знаком.

Я оставил там список имён.

Одно из них принадлежит человеку из нашего времени.

Антон».

Под письмом стояла дата. Часть цифр стёрлась, но год начинался с 16.

Дмитрий несколько раз перечитал послание.

Антон обращался к нему.

Он знал, что следующим может оказаться Дима. Значит, во время своего царствования он помнил архивную ночь. Помнил исчезновение Михаила. Возможно, до конца жизни

ожидал, что появятся остальные.

Сколько лет он прожил в чужом теле?

Удалось ли ему изменить собственную судьбу?

Судя по существованию письма, достаточно долго, чтобы изучить природу переходов. Но почему он не написал прямо, кем стал? Опасался, что Хранитель найдёт послание?

Дмитрий подошёл к чёрной книге.

— Что ты такое?

Книга не ответила.

Он осторожно коснулся переплёта кончиком пальца.

Ничего.

Тогда надавил сильнее.

Мир перед глазами потемнел.

В книгохранилище больше не было стола и полок. Дмитрий стоял в огромном архивном зале. Стеллажи уходили вверх и растворялись в темноте. На полках лежали не книги, а города, дворцы и человеческие жизни, сжатые до размеров рукописей.

По проходу двигался человек в серой одежде.

Лица Дмитрий не видел.

Человек вытаскивал отдельные тома, перелистывал и делал исправления. После каждого движения пера где-то менялась судьба. Дом охватывало пламя. Ребёнок заболел. Правитель подписывал указ, который прежде отверг.

— Кто вы? — спросил Дмитрий.

Человек остановился.

— Архивист.

— Хранитель?

— Это слово придумал ваш друг. Оно слишком торжественное.

— Зачем вы возвращаете события?

— Я ничего не возвращаю. Устраняю внесённые вами ошибки.

— Человеческая жизнь для вас ошибка?

— Иногда.

Архивист повернулся.

Вместо лица у него была гладкая белая поверхность. На ней начали появляться черты. Сначала профессора Веденина. Потом Михаила. Антона. Самого Дмитрия.

— Зачем вы отправили нас сюда?

— Не я.

— Тогда кто?

— Правильный вопрос. Но задан слишком рано.

Архивист раскрыл лежавшую у него книгу.

На странице находился портрет Петра. Не молодого царя, в теле которого оказался Дмитрий, а позднего императора с тяжёлым взглядом.

— Этот человек необходим.

— Для чего?

— Для будущего.

— Какого?

— Того, из которого вы пришли.

— Но если Михаил и Антон уже изменили прошлое, наше будущее не возникнет.

— Именно поэтому их работа должна быть исправлена. Дмитрий хотел шагнуть вперёд, но ноги не двигались.

— Вы их убили?

— Один прожил дольше, чем должен был. Второй умер не тогда, когда было записано.

— Это не ответ.

— Другого пока не будет.

Архивист поднял перо.

— Пётр должен стать Великим. Софья должна проиграть. Стрельцы должны быть сломлены. Старый порядок должен быть уничтожен. Сын должен умереть раньше отца.

— Нет.

— Вы ещё считаете, что сможете выбирать.

Перо коснулось страницы.

Дмитрий почувствовал резкую боль в груди.

Он отдёргнул руку от книги и обнаружил себя лежащим на полу. Свеча погасла. Латунный ключ впился в ладонь.

За дверью стучали.

— Государь!

Дмитрий поднялся.

Письмо Антона лежало на столе. На последней строке появились новые слова:

«Первое исправление начнётся сегодня».

Дверь затрещала под ударами.

— Государь, посольство царевны прибыло!

Дмитрий сложил письмо и спрятал под рубаху.

— Сейчас выйду.

— С ними князь Троекуров и трое стрельцов.

— Оружие у них отобрали?

— Хотели отобрать, но они не дали.

Дмитрий открыл дверь.

В коридоре толпились встревоженные стражники.

— И правильно сделали.

— Государь?

— Это посольство. Оно войдёт с оружием.

— Но если они нападут?

Пётр внутри Дмитрия снова потянулся к простому решению.

Разоружить. Окружить. Допросить. Страх удобен тем, что всегда может назваться осторожностью.

— Тогда вы защитите меня, — сказал Дмитрий. — Только сначала дайте им возможность говорить.

Глава 6. Посланник царевны

Князь Иван Троекуров вошёл в палату, не сняв меча.

Его сопровождали трое стрельцов в длинных кафтанах. У одного за поясом находился пистолет, двое держали бердыши. Позади них шёл молодой дьяк с небольшой шкатулкой.

Потешные у стен напряглись.

Александр Меншиков положил руку на рукоять сабли. Дмитрий заметил, что тот смотрит не на Троекурова, а на стрельца с пистолетом. Если человек сделает одно неверное движение, Меншиков бросится первым.

— Князь, — сказал Дмитрий. — Царевна послала вас говорить или сражаться?

Троекуров поклонился.

— Говорить, государь. Оружие носим по обычаю, а не против вас.

— Тогда оставьте его при себе.

В палате слышались недовольные шепотки.

Посланник тоже удивился.

— Благодарю, государь.

— Передавайте слова Софьи Алексеевны.

Троекуров достал грамоту.

— Государыня царевна печалится, что злые люди посеяли вражду между братом и сестрой. Она не приказывала полкам идти против вас и готова прислать записи Стрелецкого приказа. Она просит вас возвратиться в Москву, дабы вместе успокоить людей.

— Если я вернусь, кто даст мне гарантию безопасности?

— Царское слово вашей сестры.

— Она считает меня царём?

Князь помедлил.

Формально царями оставались Пётр и его старший брат Иван. Софья правила от их имени как регент. Но в реально-

сти каждая сторона понимала титулы по-своему.

— Вы венчанный государь, — ответил Троекуров.

— Тогда почему решения принимаются без моей подписи?

— По вашему малолетству.

— Мне семнадцать.

— Царевна полагает, что государственное дело требует опыта.

— И она права.

Нарышкин резко повернулся к Дмитрию.

Троекуров замолчал, не понимая, не ловушка ли это.

— У меня нет опыта управления государством, — продолжил Дмитрий. — Я не знаю половины людей, которых должен знать. Не видел многих приказных книг. Не могу проверить казённые счета. Если бы я сегодня получил всю власть, мной управлял бы тот, кто последним вошёл в эту дверь с убедительным лицом.

— Государь! — не выдержал Лев Нарышкин.

— Я ещё не закончил.

Дмитрий встал. Сидеть становилось невыносимо. Он прошёл вдоль стола, стараясь двигаться медленно.

— Отсутствие опыта не означает, что Софья должна править бессрочно. Я предлагаю переходный порядок.

— Какой именно? — спросил Троекуров.

— На один год создаётся совет. В него входят представители обеих сторон. Все важные решения принимаются пись-

менно. Софья сохраняет ведение нескольких направлений, в которых разбирается лучше меня. Казна, назначения и вооружённые полки переходят под общий контроль. Через год регентство прекращается.

— Царевна не согласится.

— Вы ещё не слышали, что она получит.

— И что же?

— Безопасность. Собственный двор. Право присутствовать на совете. Возможность заниматься школами, переводами и государственной перепиской. Никого из её людей не накажут без открытого обвинения и суда.

Нарышкин поднялся.

— Государь, можно говорить с вами без чужих?

— Здесь нет чужих. Здесь послы.

— Тогда прошу отложить ответ.

— Зачем?

— Чтобы выслушать верных людей.

— Я слушал их всю ночь.

В голосе Дмитрия прозвучала раздражённость. Он почувствовал, как ярость снова поднимается, и заставил себя остановиться.

— Сядьте, дядя, — сказал он мягче. — Я не передаю Софье власть. Я пытаюсь получить её без резни.

— Сторонники царевны воспримут это как слабость.

— Пусть.

Троекуров внимательно смотрел на молодого царя.

В его взгляде читалось не оскорбление, а напряжённый расчёт. Князь Троекуров был старым военным, привыкшим к тому, что любые переговоры — это лишь форма подготовки к удару, способ выиграть время для перегруппировки полков. Но сейчас перед ним сидел человек, предлагавший нечто неслыханное для московской политики: добровольный раздел власти без пролития крови, без опалы и без плахи.

— Вы предлагаете царевне остаться у дел, — медленно произнёс Троекуров, словно пробуя непривычные слова на вкус. — Но бояре и думные люди не примут совета, в котором их голоса будут уравнены с голосами потешных капитанов, иностранных наёмников и приказных подьячих. Князь Василий Васильевич Голицын сочтёт это за личное оскорбление.

— Князь Голицын может считать это чем угодно, — ответил Дмитрий, чувствуя, как внутри него снова шевелится чужая, петровская ярость, требуя прикрикнуть, топнуть ногой, заставить этого упрямого старика пасть ниц и целовать сапоги. Дмитрий сжал кулаки под столом, заставляя непослушные мышцы повиноваться. — Но вы сами знаете, в каком состоянии казна. Крымские походы опустошили её. Стрельцы в Москве бунтуют не от хорошей жизни и не от одной лишь злобы, а потому что им задерживают жалование, а хлеб дорожает. Если начнётся осада Троицкого монастыря, вы потратите последние деньги на порох и провиант, а зимой по-

лучите разорённое государство, бунт в собственных полках и татарский набег на южные рубежи, который некому будет встретить.

Троекуров нахмурился. Эти слова били в самую уязвимую точку. Сторонники Софьи, запертые в Москве, действительно боялись финансового краха и потери контроля над стрельческими полками больше, чем самой потери власти.

— А если мы откажемся? — тихо спросил посланник, сузив глаза. — Если царица сочтёт ваши условия неприемлемыми?

— Тогда я уеду на север, — спокойно, без малейшей дрожи в голосе сказал Дмитрий. — В Архангельск. К англичанам и голландцам. Я открою порты для их торговых компаний в обмен на ссуды, оружие и мастеров. А вы останетесь в Москве с пустой казной, взбунтовавшимися стрельцами, которые начнут грабить собственные дворы, и царевной, которую народ и церковь начнут обвинять в том, что она прогнала законного, венчанного государя. Сколько продержится ваше правительство, князь? Полгода? Год? До первого голодного бунта?

В палате повисла тяжёлая, звенящая тишина. Лев Нарышкин смотрел на своего племянника с нескрываемым изумлением, впервые за многие годы видя в нём не капризного отрока, а холодного стратига. Франц Лефорт, стоявший у окна в тени, едва заметно кивнул, одобрительно поглаживая эфес

шпаги.

— Вы говорите как государь, который уже видел падение своего дома и знает цену каждому солдату, — произнёс Троекуров, и в его голосе впервые прозвучало уважение.

— Я говорю как человек, который не хочет видеть падение России, — парировал Дмитрий. — Передайте сестре мои условия. Я даю царское слово, что ни один из её советников не будет казнён или сослан без открытого суда перед лицом нового Государственного совета. Никто не лишится имений без доказательства вины.

Троекуров медленно поднялся, опираясь на набалдашник трости.

— Я передам, государь. Но помните: гордость князя Голицына может перевесить голос разума.

— Пусть советует. Но решение примет Софья Алексеевна. Она умнее своего фаворита и любит Россию больше, чем собственную обиду.

Когда послы ушли, сопровождаемые конвоем потешных, Нарышкин не выдержал. Он ударил ладонью по столу:

— Ты сошёл с ума, Пётр! Ты оставляешь ей власть! Ты оставляешь ей Голицына и Шакловитого! Они будут плести интриги, отравят тебя в первую же ночь или поднимут новый стрелецкий бунт!

Дмитрий тяжело поднялся со стула. Тело требовало движения, простора. Он прошёлся по палате, чувствуя, как длинные, почти несоразмерные ноги непривычно быстро

несут его от стены к стене. Пространство монастырской кельи казалось ему тесным, как саван.

— Дядя, — сказал он, останавливаясь перед Львом Кирилловичем и глядя на него сверху вниз. — Если мы сейчас начнём резню, мы создадим мучеников. Каждый казнённый стрелы или боярин породит десять новых врагов, которые будут ждать своего часа. Я не хочу править кладбищем. Я хочу править государством.

— Но они не поймут твоей милости! — горячился Нарышкин. — Они примут её за слабость! В Москве только и ждут, что ты ударишь первым.

— Пусть принимают за слабость, — ответил Дмитрий, и в его голосе прорезались стальные нотки, заставившие боярина замолчать. — Страх держит людей только до первой неудачи. А выгода, безопасность и закон привязывают их на годы. Мы дадим им безопасность, которой у них не было при Софье.

Он повернулся к Меншикову, который всё это время молча наблюдал за сценой с хищным, почти звериным вниманием.

— Алексашка. Собери потешных. Не для штурма. Для смотра. Пусть посланники Софьи видят, что у нас есть дисциплина, а не просто толпа с ружьями. И найди мне лучших приказных дьяков, которые умеют считать казнённые деньги. Мне нужны ведомости за последние пять лет.

— Слушаюсь, государь, — с готовностью отозвался Мен-

шиков, и в его глазах зажёгся огонь преданности. Человек, умевший видеть дальше собственного носа, вызывал у него благоговение.

Дмитрий посмотрел на свои руки. Они дрожали. Не от страха, а от переизбытка энергии, которую тело Петра не знало, куда выплеснуть. История, которую он изучал в университете, была историей указов, дат и битв. Но настоящая история делалась здесь, в душных монастырских палатах, через силу, через подавление собственного инстинкта убивать, через мучительный поиск компромисса.

Он вспомнил письмо Антона и видение архивиста с белым лицом. Хранитель порядка ждал, что Пётр начнёт кровавую баню. Ждал, что страх и жестокость станут фундаментом империи, что сын в будущем возненавидит отца, а государство будет держаться на штыках.

«Нет, — подумал Дмитрий, сжимая латунный ключ в кармане. — Я построю её на другом камне. И посмотрим, как ты будешь это ломать».

Глава 7. Сестра государя

Встреча была назначена на полдень следующего дня в трапезной палате Троицкого монастыря. Дмитрий настоял на том, чтобы свита обеих сторон осталась за дверями. Внутри, за длинным дубовым столом, покрытым тёмным сукном, должны были находиться только они двое и дьяк для ведения записей.

Дождь, начавшийся ещё ночью, барабанил по узким слю-

дяным окнам. В палате было сумрачно и холодно, пахло ладаном, сырой шерстью и воском. Дмитрий стоял у окна, наблюдая, как по монастырскому двору проходят цепочки стрельцов, возвращающихся в свои шатры. Осада, которой так боялись, не состоялась. Но напряжение в воздухе оставалось таким густым, что его можно было резать ножом.

Двери бесшумно отворились.

Софья Алексеевна вошла без обычного для неё шлейфа из боярынь и карлиц. На ней было простое, тёмно-синее платье без лишних украшений, только тяжёлая жемчужная нить на шее выдавала её царское достоинство. Дмитрий обернулся и, вопреки ожиданиям, не увидел того карикатурного чудовища, которое описывали в позднейших учебниках и гравюрах.

Перед ним стояла женщина тридцати двух лет с умным, волевым лицом. Оспины, оставленные детской болезнью, делали её кожу неровной, но не уродливой. Её глаза, тёмные и проницательные, смотрели на него без страха, но с настойчивостью опытного зверя, загнанного в угол, но ещё не сломленного.

— Здравствуй, брат, — произнесла она. Голос её был ровным, низким, без истеричных ноток, которые Дмитрий привык ассоциировать с женскими историческими портретами той эпохи.

— Здравствуй, сестра, — ответил Дмитрий, слегка склонив голову. Он не стал предлагать ей сесть первым, но и не

занял тронное место во главе стола. Он сел сбоку, оставив центр пустым. Этот жест не ускользнул от внимания Софьи.

Она заняла место напротив, сложив руки на коленях. Дьяк, сидевший в дальнем углу, замер над чернильницей.

— Твои посланники передали мне твои условия, Пётр, — начала Софья, не сводя с него глаз. — Ты предлагаешь мне мир. Но мир, в котором я теряю войско и казну. Ты знаешь, что князь Голицын считает это капитуляцией.

— Князь Голицын — блестящий дипломат и храбрый воин, — спокойно ответил Дмитрий, тщательно подбирая слова. — Но он плохой хозяйственник. Его походы на Крым разорили южные уезды, а казна пуста. Ты знаешь это не хуже меня, Софья. Ты управляла государством семь лет. Ты знаешь, сколько стоит содержание стрелецких полков, и знаешь, что денег на них нет. Если мы начнём воевать сейчас, к зиме Москва будет голодать.

Софья чуть прищурилась. Она ждала криков, требований немедленной покорности, угроз ссылкой в монастырь. Она готовилась к борьбе с истеричным юношей, которого видела в последний раз. Но этот человек напротив говорил языком Посольского приказа, языком цифр и государственных интересов.

— Ты вырос, Пётр, — тихо сказала она. — Или тебя научили говорить чужими словами. Нарышкины вложили их в твои уста?

— Нарышкины хотят твоей крови, — прямо ответил

Дмитрий. — Они требуют арестов, пыток и плахи для Ша-
кловитого и твоих советников. Это я запретил им составлять
списки на опалу. Это я предложил тебе совет и сохранение
лица.

В глазах Софьи мелькнуло искреннее удивление. Она на-
клонилась вперёд, всматриваясь в его лицо.

— Почему? — спросила она. — Ты получил власть. Полки
на твоей стороне. Патриарх за тебя. Зачем тебе спасать тех,
кто хотел тебя убить?

Дмитрий на мгновение задумался. Как объяснить женщи-
не семнадцатого века концепцию исторической памяти и це-
ны прогресса? Как сказать, что каждая казнь без суда созда-
ёт прецедент, который через тридцать лет обернётся против
её собственного наследника?

— Потому что государство не может стоять на черепах
своих подданных, — сказал он наконец. — Если я начну пра-
вить с массовой резни, я стану заложником страха. Мне при-
дётся убивать всех, кто косо посмотрит. Я не хочу быть па-
лачом, Софья. Я хочу быть строителем. А для строительства
нужны руки, а не виселицы.

Софья молчала, переваривая услышанное. Её ум, отто-
ченный годами интриг и управления огромной страной, ис-
кал подвох.

— Ты говоришь о совете, — произнесла она. — Но кто
будет в нём сидеть? Твои потешные? Иностранец Лефорт?
Мой брат Иван слишком слаб, чтобы быть арбитром.

— В совете будут все, — ответил Дмитрий. — Представители боярской думы, гости, старшины стрелецких полков, архиереи. Каждое решение будет записываться. Если кто-то не согласен, его возражение ляжет в бумагу. Я оставляю за собой право окончательного слова, но я не смогу просто так отмахнуться от записанного голоса земства.

— Ты ограничиваешь собственную самодержавную волю, — прошептала Софья, и в её голосе прозвучало не торжество, а почти суеверный ужас. — Царь, который связан бумагой... Это невиданно. Бояре сочтут тебя слабым. Они разорвут тебя на части, как только поймут, что ты не можешь просто приказать их казнить.

— Пусть считают, — усмехнулся Дмитрий. — Слабость, которая кормит и защищает, лучше тирании, которая разоряет. К тому же, ты останешься в совете. Тебе будет поручено ведение богоугодных дел, перевод книг и внешняя переписка с польским двором. Твой ум и знание латыни нужны России, Софья. Я не хочу запира́ть тебя в келье Новодевичьего монастыря. Я хочу, чтобы ты работала.

Софья замерла. Упоминание Новодевичьего монастыря было тем самым приговором, который она мысленно выносила себе в случае поражения. Теперь ей предлагали жизнь, достойную царицы, и дело, которому она могла служить.

Но она не была бы дочерью Алексея Михайловича, если бы не заметила главного. Она смотрела на него долго, изучая каждую черту, каждое движение. Она знала, что Пётр с дет-

ства страдал от лицевых судорог, что его глаза бегали, что он не мог усидеть на месте. Этот человек сидел неподвижно, как каменное изваяние, его взгляд был тяжёлым и спокойным, а левая щека, которую раньше так часто сводило спазмом, оставалась спокойной.

— Кто ты? — вдруг тихо, но твёрдо спросила она, подавшись вперёд.

Дьяк в углу вздрогнул и перестал дышать.

— Я твой брат, Пётр Алексеевич, — ответил Дмитрий, не отводя взгляда.

— Нет, — покачала головой Софья. — Мой брат боялся темноты. Мой брат плакал, когда видел кровь на кремлёвском крыльце. Мой брат не умеет говорить о казне и стрелецких бунтах так, словно он прожил пятьдесят лет и похоронил троих сыновей. Кто вселился в тебя, Пётр? Какой святой? Или какой бес?

Вопрос прозвучал так искренне и страшно, что у Дмитрия по спине пробежал холодок. Она видела его насквозь. Не как историческую фигуру, а как аномалию.

Дмитрий медленно наклонился к ней, опираясь локтями о стол.

— Мальчик, которого ты знала, умер в лесу по дороге сюда, Софья, — сказал он, и в его голосе прозвучала такая невыразимая тоска, что царица невольно отшатнулась. — Он умер от страха и от понимания того, что его собственный народ, его собственные стрельцы готовы растерзать его. А

тот, кто пришёл в монастырь... он понял, что корона — это не шапка Мономаха. Это вериги. Это крест, который нужно нести, не глядя на то, кто идёт рядом. Я не бес, сестра. Я просто царь, который увидел бездну и решил отстроить над ней мост. Помоги мне. Или хотя бы не мешай.

Софья смотрела на него ещё долгое время. За окном шумел дождь, смывая пыль и кровь с монастырских стен. Наконец, она медленно выдохнула и опустила плечи.

— Ты странный человек, Пётр, — сказала она. — Но, кажется, ты единственный, кто понимает, что такое Русь. Завтра утром я пришлю князя Голицына для согласования текста договора.

Она поднялась, поправила тяжёлые складки платья и, не оглядываясь, направилась к выходу. У самых дверей она остановилась и, не поворачивая головы, бросила:

— Берегись, брат. Те, кто строят мосты над бездной, часто срываются вниз первыми.

Глава 8. Две подписи

Дождь, не прекращавшийся троицкие сутки, к утру сменился густым, липким туманом. В большой шатёр, разбитый посреди монастырского двора, были принесены тяжёлые дубовые столы, покрытые алым сукном. Здесь, на нейтральной земле, под сенью церковных куполов и под прицелами сотен ружей с обеих сторон, должно было решиться будущее Российского государства.

Дмитрий стоял у входа в шатёр, чувствуя, как холодная

влага пробирается под тяжёлый кафтан. Тело Петра было нетерпеливым; оно требовало действия, скачки, ветра в лицо. Но Дмитрий заставлял себя стоять неподвижно, наблюдая, как собираются участники церемонии.

Слева выстроились сторонники Нарышкиных: сам Лев Кириллович, князь Борис Голицын, Франц Лефорт и молодые капитаны потешных полков. Справа, выйдя из тумана, появились сторонники Софьи: князь Василий Голицын, мрачный и надменный, Фёдор Шакловитый, чьё лицо не выражало ничего, кроме каменного спокойствия, и несколько старых думных бояр.

В центре, за столом, лежал пергамент. «Преображенское соглашение» — так Дмитрий назвал этот документ в честь села, где началась его власть. Текст был выверен до запятой. В нём не было унижительных статей о «прощении вины» для Софьи, как того требовали Нарышкины. Был только сухой юридический язык: разделение полномочий, создание Государственного совета, гарантии неприкосновенности имений до решения открытого суда и назначение царевны Софьи Алексеевны попечительницей государевых школ и переводческих мастерских.

Когда все заняли свои места, Дмитрий вошёл в шатёр. Гул голосов мгновенно стих.

Он сел во главе стола. Напротив него, с другой стороны длинного пергамента, села Софья. Она была бледна, но держалась с невероятным достоинством. Рядом с ней стоял пат-

риарх Иоаким, призванный засвидетельствовать клятву.

— Братья и бояре, — начал Дмитрий, и его голос, усиленный акустикой шатра, заставил всех вздрогнуть. — Мы собрались здесь не для того, чтобы праздновать победу одной стороны над другой. Мы собрались, чтобы прекратить междоусобицу, которая тянет Русь на дно.

Князь Василий Голицын нахмурился, но промолчал.

— Отныне, — продолжал Дмитрий, — ни один указ, касающийся казны, войны или суда, не вступает в силу без записи в разрядные книги и без рассмотрения в Совете. Царевна Софья Алексеевна сохраняет свой двор и свои доходы, и ни один человек из её свиты не будет тронут без доказательства измены перед лицом равных судей.

Шакловитый едва заметно усмехнулся. Он не верил в эти слова. Он знал, что такое царская милость. Но Дмитрий смотрел прямо на него, и в этом взгляде не было ни злобы, ни мстительности. Только холодная решимость.

Дьяк пододвинул чернильницу.

Софья взяла перо. Её рука не дрожала. Она вывела свою подпись — твёрдую, размашистую, с характерным росчерком, который Дмитрий видел на сотнях исторических документов в архивах. Но теперь он видел, как рождается этот автограф.

Затем перо передали ему.

Дмитрий посмотрел на чёрные чернила. В его памяти всплыли строки из учебников: «В 1689 году Пётр I жестоко

подавил бунт царевны Софьи, заточил её в монастырь и начал единоличное правление, ознаменованное великими реформами и великой кровью».

Он сжал перо. Дерево тихо хрустнуло в его пальцах.

Он расписался. Две подписи. Два мира. Один, который должен был умереть, и другой, который только начинал дышать.

— Аминь, — глухо произнёс патриарх.

Толпа в шатре медленно выдохнула. Напряжение, висевшее в воздухе неделями, начало рассеиваться. Стрелецкие командиры переглядывались, не веря своему счастью. Им не предстояло умирать на плахе или в застенках Преображенского приказа.

Василий Голицын подошёл к столу, поклонился Дмитрию и, не говоря ни слова, отошёл к Софье. Он был сломлен не силой, а самым фактом того, что его не унизили.

Церемония окончилась. Софья поднялась, перекрестила Дмитрия и, впервые за многие годы, искренне обняла его. От неё пахло ладаном и старыми книгами.

— Строй, Пётр, — прошептала она ему на ухо. — Но помни, что камни, которые ты кладёшь в фундамент, помнят всё.

В тот же вечер Дмитрий вернулся в свои покои. Он чувствовал невероятную, опустошающую усталость. Тело Петра, привыкшее к физическому труду и движению, страдало от многочасового сидения и политического напряжения.

Дмитрий сбросил тяжёлый кафтан и подошёл к умывальнику.

В комнате было тихо. Только потрескивали свечи.

Он вытер лицо полотенцем и повернулся к столу, на котором лежали разрядные книги.

И замер.

На самом центре стола, поверх чистой бумаги, лежал сложенный конверт.

Он был сделан из плотной, почти глянцевой бумаги, которой не существовало в семнадцатом веке. Конверт был запечатан не сургучом, а чёрным воском, на котором не было никакой печати.

Дмитрий медленно подошёл к столу. Сердце заколотилось где-то в горле. Он огляделся. Двери были заперты изнутри. Потешные стояли у порога и клялись, что никто не входил.

Он вскрыл конверт. Внутри лежал один лист.

Почерк был ровным, печатным, лишённым каких-либо эмоций. Так пишут принтеры.

«Поздравляю с первым успехом, Дмитрий.

Ты избежал крови в августе. Ты спас сестру и её фаворитов. Ты думаешь, что обманул историю. Ты думаешь, что милость делает государство крепче.

Но история не терпит пустоты. Если ты не прольёшь кровь врагов сегодня, она прольётся завтра.

Ты спас сестру. Теперь сын заплатит за неё.

Жди».

Дмитрий уронил лист на стол. У него перехватило дыхание.

Сын.

Алексей.

В его времени, в той истории, которую он знал, царевич Алексей Петрович родился в феврале 1690 года. Сейчас была осень 1689-го. Евдокия Лопухина, его законная жена, была беременна. Дмитрий ещё не видел её после своего «пробуждения». Он избегал женской половины, боясь собственной реакции, боясь чужих воспоминаний Петра, который уже тогда начинал тяготиться этим браком.

Хранитель порядка не просто угрожал. Он обещал.

Если Дмитрий не создаст прецедент жестокости сейчас, Хранитель направит события так, что вся накопленная агрессия, все нерешённые конфликты обрушатся на его наследника. Алексей станет жертвой не отцовского гнева, а самого хода времени, которое будет мстить за нарушенный баланс.

Дмитрий сжал кулаки так, что ногти впились в ладони. Он подошёл к окну и посмотрел в темноту.

— Ты хочешь, чтобы я стал чудовищем, — прошептал он в пустоту. — Чтобы я сам убил своего сына, как это сделал настоящий Пётр. Чтобы трагедия состоялась.

Он повернулся и посмотрел на дверь, ведущую на женскую половину.

— Нет, — сказал он твёрдо. — Я не дам тебе его забрать.

Я изменяю не только законы. Я изменяю самого себя.

Глава 9. Совет равных голосов

Москва встретила их настороженной тишиной. Когда царский поезд въехал в ворота Земляного города, народ не бросился под копыта лошадей с криками восторга. Люди стояли у заборов, молча снимая шапки. Они ждали казней. Они ждали, что по Красной площади пойдут телеги с головами сторонников Софьи.

Но телег не было.

Стрелецкие полки, вернувшиеся в свои слободы, получили жалование из личных средств царя, занятого у английских купцов. Это был первый шок для московского общества: государь платит за мир из своего кармана.

Дмитрий не стал медлить. Уже через три дня после возвращения в Кремль он подписал указ о создании Государственного совета.

Здание, выбранное для заседаний, находилось недалеко от Грановитой палаты, но было лишено её мрачного величия. Это был светлый, просторный зал с большими окнами, выходящими на Москву-реку. Дмитрий лично распорядился расставить столы не в форме буквы «П», где царь сидел бы на возвышении, а в форме огромного овала.

Первое заседание было назначено на утро понедельника.

Когда Дмитрий вошёл в зал, гул голосов мгновенно стих. За столом сидели люди, которые в обычной жизни не стали бы дышать одним воздухом.

Справа расположились родовитые бояре: князья Одоевские, Долгорукие, сам Борис Голицын. Они сидели прямо, с надменными лицами, безглаголиво косясь на своих соседей.

А соседями были люди, не имевшие права сидеть в Боярской думе. Купцы-гости в богатых, но не по чину простых кафтанах. Офицеры потешных полков, вчерашние дворовые люди. И, что вызывало наибольшее негодование знати, — выборные представители от стрелецких слобод и посадских людей.

Дмитрий занял своё место во главе овала. Рядом с ним сел дьяк с толстой книгой протоколов.

— Братья, — начал Дмитрий, обводя взглядом собравшихся. — Отныне этот Совет является высшим совещательным органом государства. Ни один закон, ни одна крупная трата казны, ни одно назначение на воеводство не обойдут этот стол.

Князь Юрий Одоевский, старый и жёлчный боярин, поднялся со своего места.

— Государь, — произнёс он, кланяясь в пояс, но в голосе его звучал яд. — Позволь старию спросить. С каких пор купцы и стрельцы, чьё дело торговать и стрелять, стали судить о делах государевых? Разве не кровью и родословной определяется право советовать царю?

В зале повисла напряжённая тишина. Это был бунт. Бунт старой аристократии, которая чувствовала, как земля уходит у неё из-под ног.

Дмитрий не стал кричать. Он не стал приказывать Одоевскому сесть или замолчать. Вместо этого он кивнул дьяку.

— Пиши, — сказал он. — «Князь Одоевский выразил сомнение в легитимности присутствия купцов и стрельцов в Совете, ссылаясь на право крови».

Дьяк быстро заскрипел пером.

— А теперь, князь, — продолжил Дмитрий, глядя прямо в глаза старику. — Ответь мне. Кто в прошлом году поставлял селитру для пушечного двора? Твои крестьяне?

Одоевский нахмурился.

— Нет, государь. Селитру поставлял гостинной сотни купец Шустов.

— Верно. А кто вёл инженерные работы при укреплении Киева? Боярские сыновья?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.